

ВЛАДИМИР ГОРОДИНСКИЙ

**ПРАВДА ИСТОРИИ
ИЛИ
МИФОЛОГИЯ?**

**ПОГРАНИЧНЫЕ ВОЙСКА НКВД
В НАЧАЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ**

Великая Отечественная война. Особое мнение

Владимир Городинский

**Правда истории или мифология?
Пограничные войска НКВД в
начале Великой Отечественной**

«Яуза»

2021

УДК 94(4)
ББК 63.3(0)

Городинский В. И.

Правда истории или мифология? Пограничные войска НКВД в начале Великой Отечественной / В. И. Городинский — «Яуза», 2021 — (Великая Отечественная война. Особое мнение)

ISBN 978-5-00155-295-6

Книга генерал-майора запаса Пограничной службы ФСБ РФ Владимира Городинского, на основе ранее недоступных для исследователей документов закрытых архивов, не только в деталях рассматривает широкий спектр самых спорных вопросов начального периода Великой Отечественной, но и даёт принципиально новую трактовку истории Пограничных войск НКВД в 1941-1942 гг. Автор неопровержимо доказывает, что накануне 22 июня 41-го пограничники готовились не просто к наступательным действиям против Германии, которые должны были начаться по приказу Сталина, а к советизации стран Европы. «Стратегические, оперативные, мобилизационные планы и планы прикрытия границы, разработанные накануне войны с Германией, выдержаны в наступательном духе и рассчитаны не на отражение вражеского нападения, а на начало войны по инициативе СССР...» «Версия о подготовке советской стороной провокаций на границе с целью получения формального повода для начала войны с Германией не лишена основания... 21 июня 1941 года крупное подразделение пограничников перешло границу и своими активными действиями поддержало стихийное восстание жителей г. Тульчи и личного состава 33-го пехотного полка румынской армии... Подобные действия на границе не могли быть предприняты без санкции высшего военно-политического руководства страны...» В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 94(4)
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-00155-295-6

© Городинский В. И., 2021

© Яуза, 2021

Содержание

Об авторе	7
Краткая предыстория. погружение в тему	9
Искаженные страницы истории	14
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Владимир Городинский

Правда истории или мифология?

Пограничные войска НКВД в начале Великой Отечественной

Автор выражает сердечную признательность за помощь в работе над вторым, дополненным изданием этой книги доктору исторических наук, профессору, полковнику ФСБ РФ в отставке А.М. Плеханову, заслуженному работнику культуры Российской Федерации, члену Союза журналистов Москвы полковнику ФСБ РФ в отставке В.Н. Личманову и полковнику ФСБ РФ запаса Н.А. Забелову.

Фотография на обложке:
Дмитрий Дебабов / РИА Новости.

МАРК СОЛОНИН РЕКОМЕНДУЕТ!

© Городинский В.И., 2021
© ООО «Яуза-каталог», 2021

Об авторе

Городинский Владимир Иванович родился в 1950 году в селе Владимировка Знаменского района Кировоградской области на Украине в семье рабочих.

В пограничных войсках с 1967 года.

После окончания в 1971 году Московского высшего пограничного командного училища КГБ СССР проходил службу в Дальневосточном пограничном округе на пограничной заставе, в политотделе Сквородинского пограничного отряда и в политотделе округа.

В 1984 году закончил Военно-политическую академию им. В.И. Ленина, после чего был назначен на должность начальника политотдела Панфиловского пограничного отряда Восточного пограничного округа. С 1987 года – в Политуправлении пограничных войск КГБ СССР. В 1989 году поступил и в 1991 году закончил Академию общественных наук при ЦК КПСС. С 1994 по 2001 год занимал должности заместителя командующего Забайкальским и Кавказским особыми пограничными округами, а также заместителя начальника Северо-Кавказского регионального управления ФПС РФ. Участник боевых действий. Два года был первым заместителем начальника Управления воспитательной работы, а с 2003 по 2010 год возглавлял Голицынский пограничный институт ФСБ России. После ухода в 2010 году в запас работал ректором Одинцовского гуманитарного университета. За безупречную службу награжден орденом «За военные заслуги» и 19 медалями, в том числе «За спасение погибавших» и «За отличие в охране государственной границы», а также именован оружием от Директора ФПС России и Директора ФСБ России.

Генерал-майор. Кандидат философских наук (2005 г.).

«Редко приходится читать исследования с такой аргументированной доказательной базой, настолько она четко выстроена, что в большинстве случаев не позволяет ставить под сомнение точку зрения автора... Самые поразительные исторические находки ждут нас не только в архивах, но и на пути трезвой оценки фактов уже хорошо известных, на которые прежде не обращалось внимания. Именно к этой мысли приходишь, читая книгу Владимира Городинского».

А.М. Плеханов – доктор исторических наук, профессор (г. Москва).

«Важным событием в историографии начального периода войны рецензент считает публикацию новаторского исследования генерал-майора запаса Владимира Ивановича Городинского «Правда истории или мифология?», посвященного службе пограничных войск НКВД СССР в 1941 году. Вопреки всем идеологическим установкам автор проявил гражданское мужество, попытавшись перейти своеобразную запретную линию и преодолеть стереотипные представления, десятилетиями формировавшиеся в массовом сознании».

К.М. Александров – кандидат исторических наук (г. Санкт-Петербург).

«Автор этой замечательной доказательной убедительной книги «Правда истории или мифология?» генерал-майор пограничных войск Владимир Иванович Городинский называет себя историком-дилетантом. Это единственное утверждение в его книге, которое мне хочется оспорить. Книга написана настоящим историком, умеющим не только находить документы и факты, анализировать их, но и обладающим довольно редким даром. Владимир Иванович умеет читать, вчитываться и вычитывать глубокий смысл, заложенный иногда в самых обыденных документах».

В.С. Правдюк – российский журналист, публицист, режиссер документальных фильмов и телепрограмм (г. Санкт-Петербург).

«Признаюсь, долго, трудно читал фундаментальное исследование генерала В. Городинского, перечитывал абзацы, целые страницы, надолго задумывался, сомневался: а прав ли здесь Владимир Иванович, а не перегибает ли в своих утверждениях, не слишком ли резок в оценках, беспелляционен в выводах? Но каждое его суждение, оценка, вывод подкрепляется документами, авторы которых вряд ли думали, что по их рапортам, донесениям, шифрограммам через многие десятилетия будет создаваться объективная картина того сложного, тревожного, трагического и героического времени».

А.А. Ибрагимов – российский журналист, заместитель руководителя Ставропольской телерадиокомпания (г. Ставрополь).

Краткая предыстория. погружение в тему

Не зная прошлого, невозможно понять подлинный смысл настоящего и цели будущего.

Максим Горький.

Я не историк, но, как любой нормальный человек, с юношеских лет питал неподдельный интерес к истории своей страны, особенно к событиям Великой Отечественной войны. И это не случайно! Сама общественно-политическая ситуация в стране в середине 60-х годов прошлого века способствовала этому. Появление на экранах новых художественных фильмов о войне, издание сотен книг, повествующих о героике и трагизме того времени, многочисленные встречи с участниками войны формировали у абсолютного большинства мальчишек моего поколения гордость за свою страну и искреннее желание после окончания школы обязательно отслужить в армии, а если повезет – то и поступить в военное училище. Хотя бы этим каждый из нас стремился быть похожим на героических участников той войны. Так получилось, что из десяти моих одноклассников в 1967 году восемь ребят поступили в различные военные училища и впоследствии стали офицерами.

Очень большое воспитательное воздействие на мое поколение, естественно, оказывали наши родители, которые сами в полной мере хлебнули горечи и страданий на фронте и в тылу в годы военного лихолетья. Мой отец, Иван Владимирович, в 15 лет из-за болезни своей мамы оказался на территории, временно занятой фашистскими войсками. Кто-то из односельчан донес немцам, что его старший брат Григорий перед войной был призван на службу в войска НКВД, где и остался на сверхсрочную. Поэтому за три года оккупации ему пришлось пережить немало: и голод, и холод, и допросы оккупантов, и издевательства земляков-полицаев. После освобождения в начале 1944 года Правобережной Украины от фашистских захватчиков отца призвали в Красную армию. Всего лишь после двух недель обучения он оказался на передовой. Провоевав около трех месяцев, отец в одном из боев в районе Ново-Украинки Кировоградской области был тяжело ранен в ногу. Так в свои 18 лет он стал инвалидом 1-й группы.

Моей маме, Татьяне Лазаревне, накануне войны исполнилось двенадцать лет, но и ей за эти годы досталось немало. Вместе со своими родителями и земляками эвакуировала колхозное имущество, лошадей и крупный рогатый скот за Волгу, а после освобождения Украины от немецкой оккупации – возвращала их обратно. Участвовала в послевоенном восстановлении колхоза на своей малой родине, за что и была в 1947 году награждена орденом Ленина.

Отец моей жены, Садовенко Петр Фомич, в действующей армии с первых дней войны. Боевое крещение получил в районе г. Львов. Немало хлебнул лишений, испытал боль утрат своих боевых товарищей в ходе летнего отступления 1941 года, а также в период выхода из окружения под г. Харьков в мае 1942 года. Войну закончил в Австрии. На фронте он познакомился со своей будущей женой, Марией Тихоновной, которая в 17 лет добровольцем ушла на фронт. За три года войны ей пришлось выносить раненых с поля боя, послужить медсестрой в санитарном поезде, а также начальником смены в полевой хлебопекарне дивизии.

Вспоминая свои юношеские годы, хочу заметить, что наши родители не очень-то любили вспоминать о войне. Но иногда, особенно после просмотра очередного художественного фильма о войне, в котором авторы очень легковесно подавали события того времени, они на наши вопросы о впечатлениях от просмотра отвечали, что на реальной войне все было по-другому. А дальше начинались скупые рассказы о том, какой им запомнилась Великая Отечественная война. К сожалению, это было очень редко. Не исключено, что их правдивые рассказы о войне в то время были далеко не безопасными.

Уже на втором курсе Московского высшего командного Краснознаменного пограничного училища КГБ СССР я, впервые прочитав мемуары Г.К. Жукова «Воспоминания и размышления», задумался над тем, что в свои 18 лет еще очень мало знаю о той страшной войне. С этого момента, наверное, и начался процесс моего осмысленного «погружения» в историографию Великой Отечественной войны.

В 70-80-е годы прошлого столетия это происходило под мощным воздействием официальной советской версии о причинах развязывания и основных этапах этой войны. Но уже в период так называемой перестройки у меня, как и у многих людей того времени, появились первые сомнения в правдивости не только официальной версии истории Великой Отечественной войны, но и всего советского периода в истории страны. Так, во время учебы в Академии общественных наук при ЦК КПСС я впервые подробно узнал об обстоятельствах гибели семьи последнего российского императора Николая II, познакомился с секретными протоколами Молотова-Риббентропа. Немало и других открытий в тот период я сделал для себя. За прошедшие десятилетия под воздействием новой, порой противоречивой информации о Второй мировой войне менялись и мои взгляды на те или иные события, подвергались ревизии, казалось бы, неоспоримые ранее факты и события далекого прошлого.

Очередным этапом в переосмыслении моих взглядов на историю Великой Отечественной войны стал период службы на Северном Кавказе в должности заместителя командующего Кавказским особым пограничным округом. А началось это так. Как-то в 1997 году в округ прибыла делегация пограничной службы Финляндии во главе с тогдашним ее руководителем. В составе делегации также были его помощник, переводчик и жена руководителя финских пограничников. По решению командующего округом мне было поручено ознакомить высоких гостей с достопримечательностями Ставропольского края и Карачаево-Черкесской Республики. В предпоследний день их пребывания на участке округа я преподнес гостям наши пограничные сувениры, подготовленные к 75-летию округа, которое мы отметили накануне. Среди них была и книга, изданная, как принято, к очередному юбилею, под названием «75 лет на страже южных рубежей Отечества». Я не сразу обратил внимание на то, с каким интересом финские офицеры стали рассматривать и листать эту книгу. Но вот переводчик, открыв очередную страницу, начал переводить текст для остальных членов делегации. Через некоторое время среди них послышался смех, нередко переходящий в громкий хохот. Удивленный столь необычной реакцией гостей на прочитанное, я поинтересовался у переводчика, что же так их рассмешило в подаренной им книге. Он, немного смущаясь, сказал, что изложенная в тексте наша версия участия Советского Союза в войне с Финляндией в 1939–1940 гг., мягко говоря, не соответствует действительности. Что не Финляндия, а СССР развязал ту войну.

За повседневными делами и заботами я как-то позабыл об этом случае, тем более что расстались мы с гостями как искренние и давние друзья. Уже потом, по истечении нескольких месяцев после этого случая, более основательно познакомившись с историей так называемой «Зимней войны» между СССР и Финляндией, я понял причину смеха финнов в тот раз. Они были искренне удивлены тем фактом, что в России по истечении многих десятилетий, минувших после завершения советско-финляндской войны (1939–1940 гг.), до сих пор считают, что тогда Финляндия напала на СССР, а не наоборот. Что мы по-прежнему героизируем все, связанное с той войной, забывая, что Лига наций квалифицировала действия СССР против Финляндии как неспровоцированную агрессию и исключила нашу страну из своего состава. Честно говоря, мне стало стыдно, потому что, как оказалось, живя в конце XX века, я, как и многие другие граждане России, по-прежнему руководствуюсь сталинскими оценками тех далеких событий.

В одном я был по-прежнему твердо убежден: боевая деятельность пограничных войск НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны представляет собой образец мужества, героизма, высокого профессионализма и верности долгу перед Родиной. Поэтому, как и абсо-

лютное большинство моих сослуживцев, я продолжал рассматривать этот героический период в истории пограничной службы России в качестве основного **средства воспитания** у подчиненных любви к своей Родине, гордости за принадлежность к элите Вооруженных сил страны, готовности продолжать славные традиции воинов-пограничников.

Некоторые сомнения по этому поводу у меня возникли чуть позже. Нет! Не по поводу героического прошлого пограничных войск, а по поводу утверждения о том, что история страны вообще, а Вооруженных сил и пограничных войск в частности должна быть основой для воспитания патриотических чувств у граждан России, гордости за свое Отечество. Ведь у каждого народа есть как героические, так и трагические страницы его истории. Одними можно и нужно гордиться, другими нет. К примеру, как гражданам России можно гордиться массовым террором, развязанным сталинским руководством в отношении собственного народа в 30-е – 40-е годы прошлого столетия? Или какие патриотические чувства может вызвать практически полный разгром кадровой Красной армии в начальный период Великой Отечественной войны? Не может наполнять душу гордостью и тот факт, что наши Вооруженные силы понесли в той войне значительно большие потери в личном составе, чем Германия и ее союзники.

Подобные мысли привели меня к твердому убеждению в том, что если история – это научная сфера деятельности, а не средство манипулирования общественным сознанием, то она прежде всего **должна быть строгим и бесстрастным учителем для нынешних и будущих поколений граждан нашей страны, особенно для людей в погонах**. Потому что настоящая историческая наука оперирует только теми событиями и фактами, которые получили объективное отражение в архивных документах или свидетельствах очевидцев. Она не приемлет политической конъюнктуры и связанных с нею исторических мифов. Очень точно по этому поводу высказался выдающийся русский историк Н.М. Карамзин, заметив, что *«история – не роман, не мирный сад, где все должно быть приятно: она изображает действительный мир»*. А если этого не происходит, то мы все время будем «наступать на одни и те же грабли». Будем повторять одни и те же ошибки, которые в годы Великой Отечественной войны в ряде случаев приводили к поражениям, а победы нередко достигались за счет ничем не оправданных человеческих жертв.

Эти мои мысли вскоре нашли свое реальное подтверждение в ходе непосредственного участия в подготовке и осуществлении специальной пограничной операции «Аргун» на территории Чеченской Республики в 1999–2000 годах. До этого мне не приходилось участвовать в реальных боевых действиях, я не занимал командных и штабных должностей, поэтому был твердо уверен в том, что при подготовке и проведении этой уникальной в своем роде пограничной операции ее разработчики в Федеральной пограничной службе обязательно учтут богатейший опыт пограничных войск, накопленный как в годы Великой Отечественной войны, так и в ходе локальных вооруженных конфликтов. Однако действительность оказалась несколько иной.

Первые тревожные сомнения в этом появились у меня на этапе приема и доподготовки резервов, прибывающих из других региональных пограничных управлений для участия в этой операции. По долгу службы этой работой пришлось заниматься мне и моим подчиненным. Оказалось, что абсолютное большинство подразделений на местах были сформированы наспех, укомплектованы по принципу: только бы отправить в срок положенное количество личного состава – без учета требуемого количества военных специалистов и в ряде случаев не имеющего даже элементарных знаний и навыков в обращении с конкретным видом оружия. И как следствие – при проверке указанных резервов оказывалось, что вчерашний повар погранзащиты назначался снайпером, дизель-электрик был определен наводчиком АГС-17, которого он и в глаза не видел. Аналогичное положение складывалось и с прибывшими минометными подразделениями, которые по месту дислокации имели на вооружении 120-мм, а по новому штату вооружались 82-мм минометами. К сожалению, подобных примеров было достаточно. На

этом фоне заметно выделялась своим уровнем подготовки ДШМГ из Воронежа, укомплектованная военнослужащими контрактной службы. По этой причине начальником СКРУ генерал-полковником Е.В. Болховитиным было принято решение об увеличении сроков доподготовки прибывших подразделений. По сути – на месте офицерами отделов боевой подготовки, воспитательной работы и инженерного отдела заново осуществлялась подготовка и боевое слаживание прибывших подразделений. Еще за несколько месяцев до десантирования в Аргунское ущелье выяснилось, что на вооружении пограничных подразделений, которым предстояло там действовать, нет крупнокалиберных пулеметов, которые весьма эффективны при ведении боя в горах. Первые современные образцы крупнокалиберных пулеметов «Корд» с оптическим прицелом появились в наших подразделениях только по истечении нескольких недель с начала специальной пограничной операции «Аргун». Проведя, так сказать, внеплановую ревизию на складе арттехвооружения в г. Ставрополе, офицеры отдела боевой подготовки обнаружили двенадцать пулеметов ДШК 1939 года выпуска, которые после ускоренной подготовки для них пулеметных расчетов были переданы в состав пограничных подразделений, которым предстояло первыми десантироваться на территории Итум-Калинского района Чеченской Республики. К слову сказать, ДШК здорово помогли нашим подразделениям на первом этапе этой операции.

Понимая, что после десантирования в Аргунское ущелье нашим подразделениям предстоит вести с боевиками не открытые общевойсковые бои, а в большей мере использовать тактику так называемой контрпартизанской войны, мы попытались найти в наших секретных и несекретных библиотеках хоть какие-нибудь материалы, обобщающие подобные действия пограничных и внутренних войск в прошлом. Но, к нашему изумлению, их там не оказалось. Не получили мы подобных материалов и из Федеральной пограничной службы России. Перелопатив весь интернет, офицеры отдела боевой подготовки нашли всего лишь один добротный опыт организации контрпартизанских действий войск НКВД СССР на Северном Кавказе в 1944 году, который и был взят нами на вооружение. А ведь подобные действия войскам НКВД приходилось вести и в Прибалтике, и в западных районах Украины, и в Белоруссии. Да и в Афганистане пограничники применяли подобную тактику. Но куда подевался этот оплаченный кровью тысяч советских солдат и офицеров опыт – узнать так и не удалось.

В течение полутора месяцев, исполняя обязанности старшего оперативной группы «Аргун», я смог еще не раз убедиться в том, что многие горькие уроки Великой Отечественной войны нами усвоены плохо.

Уже будучи начальником Голицынского пограничного института, у меня появилось значительно больше времени для изучения литературы о Второй мировой войне, о боевой деятельности пограничников в годы Великой Отечественной войны. Весьма плодотворной в этом плане оказалась моя работа над диссертацией на тему «Патриотическое сознание пограничников в условиях глобализации». В тот период мне все еще казалось, что пограничными историками довольно-таки глубоко исследованы эти вопросы. Особенно я укрепился в этом мнении после прочтения фундаментальной работы Г.П. Сечкина «Советские пограничные войска в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и возможные их действия в современных операциях», изданной в далеком 1976 году. Уйдя в 2010 году на заслуженный отдых, я решил более основательно заняться изучением проблемы участия пограничников в сражениях Великой Отечественной войны. На первом этапе в своей работе я использовал только широкодоступные источники информации в виде книг, монографий, статей, а также безграничные возможности сети Интернет. Единственным, можно сказать, настоящим архивным документом, который я использовал в тот период, была копия «Журнала оперативной записи», который вели оперативные дежурные Главного управления пограничных войск НКВД СССР с 22 июня по 8 июля 1941 года.

Однако через некоторое время пришло осознание того, что без архивных документов мне не обойтись. В итоге несколько месяцев мною было посвящено работе с документами в фондах Российского государственного военного архива (РГВА). Как-то, узнав от директора Государственного историко-литературного музея-заповедника А.С. Пушкина «Захарово – Вяземы» А.М. Рязанова, что у него хранятся подшивки центральных газет «Правда» и «Известия» за период с 1941 по 1945 годы, я с большим душевным трепетом несколько недель с карандашом в руках исследовал их пожелтевшие страницы. В это же время мне удалось ознакомиться с материалами о служебно-боевой деятельности пограничных войск в годы войны, опубликованными в журнале «Пограничник» за 1941–1945 годы.

На каком-то этапе «погружения в тему» я обнаружил множество противоречивых фактов, нестыковок в работах историков при освещении некоторых событий, чрезмерную, порой надуманную героизацию всего того, что было связано с деятельностью пограничных войск в тот период. При этом явно прослеживалась линия на замалчивание многих негативных фактов в их деятельности как накануне, так и в годы войны. К тому же, многие события, описанные в работах ведомственных историков, не находили своего подтверждения в трудах ведущих российских ученых. О своих сомнениях по этому поводу в 2013 году я высказался на страницах газеты «Граница России» в статье «Стойко и мужественно выговаривать правду». К сожалению, в развернувшейся полемике вокруг названной статьи мои оппоненты не стали утруждать себя поиском аргументированных ответов на поставленные в ней вопросы, а пошли по пути дискредитации автора любым способом. Более подробно об этом будет сказано в последней главе этой книги под названием «Заключение, или Необходимое послесловие к несостоявшейся дискуссии».

Такова вкратце предыстория зарождения у меня мысли написать об этом периоде в истории пограничной службы новую книгу. На работу над ней ушло три года. Что из этого получилось – судить вам, уважаемые читатели.

Не претендуя на истину в последней инстанции, выражаю надежду на то, что мои скромные изыскания позволят будущим исследователям более объективно и глубоко в своих работах отразить служебно-боевую деятельность пограничных войск накануне и в годы Великой Отечественной войны. Буду признателен за пожелания и замечания читателей, за предоставление дополнительных сведений и документальных материалов по всем проблемам, поднятым в книге.

Искаженные страницы истории

Россия нам Отечество: ее судьба и в славе, и в уничижении равно для нас достопамятна.

Н.М. Карамзин, великий русский историк.

В паруса истории должен дуть только один ветер, ветер правды, другого ветра у истории нет и не будет, а все остальное – это не ветер истории, а сквозняки конъюнктуры.

К.М. Симонов, советский писатель.

I

Если говорить об исторической памяти в России о прошедшем XX веке, то нет никаких сомнений в том, что ключевым ее событием является память о Великой Отечественной войне, а не об Октябрьской революции 1917 года, как это считалось еще несколько десятилетий назад. Именно поэтому восприятие войны до сих пор является той точкой, вокруг которой выстраивается историческая политика: не утихает борьба «за» и «против» мифотворчества, за старую или новую идентичность, за принятие или непринятие советского прошлого, за отношение к Сталину, к старому советскому и новому постсоветскому патриотизму.

В силу этих причин в последние десятилетия тема Великой Отечественной войны стала полем невероятно острых споров и дискуссий представителей разных политических партий, исторических школ и направлений. Если попытаться дать чисто субъективную оценку состояния современных исторических исследований на эту тему, то можно констатировать, что **сегодня, по сути, идет непримиримая война: с одной стороны – между большой группой ученых и публицистов, которые по-прежнему идеологизируют и мифологизируют эту проблематику, продолжая популяризировать сомнительные стереотипы сталинской историографии, а с другой – сторонниками так называемых ревизионистских взглядов на большинство исторических событий того периода. Между этими диаметрально противоположными течениями самостоятельно развивается еще одна группа относительно молодых ученых и публицистов, способных мыслить незаангажировано, но вынужденных при освещении основных событий Великой Отечественной войны маневрировать между старыми и новыми подходами.**

Не вдаваясь в анализ каждого из вышеперечисленных направлений современной историографии о Великой Отечественной войне, можно со значительной долей уверенности утверждать, что подобный разброс мнений является, с одной стороны, результатом сокрытия на протяжении многих десятилетий политическим руководством СССР, а затем и России всей правды о тех далеких годах нашей истории, а с другой – следствием несколько большей открытости российских архивов, позволившей ввести в научный оборот новые, ранее неизвестные архивные документы.

Некоторые исследователи утверждают, что за последние три десятилетия в общественном сознании восприятие темы войны менялось как минимум трижды. **С началом перестройки в СССР** происходило довольно интенсивное отторжение официальной картины войны, поскольку основной пафос времени – это стремление узнать наконец-то скрывавшуюся все предшествующие десятилетия правду о преступлениях сталинского режима. В этот период были опубликованы секретные протоколы к советско-германскому пакту о ненападении, свидетельства о расстреле пленных польских офицеров в Катыни, приказы органов государствен-

ной безопасности, проводивших репрессии, расстрельные списки на десятки тысяч человек, подписанные самим Сталиным, и многое другое. Также стало возможным сказать о Великой Отечественной войне то, что до сих пор не пропускала цензура: об огромных потерях не только на фронте, но и в тылу, об ответственности за это сталинского руководства, о репрессиях во время войны в армии, о штрафных ротах и батальонах, о заградотрядах и сталинском знаменитом Приказе № 227 от 28 июля 1942 года.

С распадом СССР и возникновением на постсоветском пространстве новых независимых государств, а также началом демократических преобразований в бывших странах социалистического лагеря в центре дискуссий оказалось то, что до сих пор нельзя было высказать вслух: что советская армия смогла ценой огромных потерь избавить народы Восточной Европы от нацизма, но не принесла и не могла принести им свободу. В этих условиях совсем в ином свете представал и традиционный образ советского солдата-освободителя. В тот период казалось, что это только начало широкого пересмотра советского прошлого, что это повлечет за собой еще более глубокие изменения в коллективной памяти и исторической политике.

Однако **к середине 90-х** все более заметным явлением общественного сознания становится ностальгия по советской эпохе. Причины этой ностальгии были разными, но главной стало сильнейшее недовольство распадом СССР, экономическими и социальными последствиями реформ, очень тяжело ударившим по населению. К тому же, начатая в 1995 году и затянувшаяся на многие годы кровавая и бессмысленная чеченская война вызвала к жизни не только риторiku и лексику сталинской эпохи, вдруг зазвучавшую в военных репортажах, но и тоску по методам Сталина, который смог быстро справиться в 1944 году с непокорными чеченцами, депортировав весь народ. Да и власть, становясь все более популистской, озабоченная поисками «собственного» пути и, главное, национальной идеи – и, таким образом, консенсуса в раздираемом непримиримыми противоречиями обществе, все активнее обращается к советским мифам, главным из которых был образ Победы.

После ухода Ельцина с поста президента с началом 2000-х годов эта тенденция только усиливалась. Тем более что власть, уже практически полностью отказавшись от идеи демократии, интенсивно меняла векторы, рисуя как прообраз будущего сильную державу с элементами авторитаризма. Выстраивалась прямая линия российской истории: от царской империи с «православием, самодержавием и народностью» через созданную Сталиным мощную советскую державу – прямо к новой России. Главной же точкой консенсуса для народов страны должен стать новый патриотизм, выражающийся в гордости за прошлое, настоящее и будущее России. В этот период начинается идеологическая работа над созданием нового, позитивного образа российского прошлого. Учитывая то, что успехи сталинской модернизации были связаны с огромными человеческими потерями и террором, которые отрицать было невозможно, в этот период как главное позитивное событие в российской истории XX века выдвигается победа в Великой Отечественной войне. При такой концепции естественным образом возникает фигура Сталина, который в сознании большинства населения прочно связан с победой в войне¹.

Все это вылилось в то, что память о войне вновь стала разменной монетой официальной пропаганды, а «архивная революция» сменилась повторным засекречиванием ряда документов, часть из которых к тому моменту уже была опубликована. К этому времени также относится ошибочное, по моему твердому убеждению, решение руководства страны о создании комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. На этой волне активизировались историки и публицисты, полностью или частично оправдывающие как внутреннюю, так и внешнюю политику сталинского руководства накануне и в годы войны. На полки книжных магазинов хлынул огромный поток книг, авторы которых настойчиво пытаются убедить читателей в том, что история Великой Отечественной войны, написан-

¹ <http://www.urokiistorii.ru/current/dates/3222>.

ная в 50-70-е годы прошлого века, – самая правдивая, а все, что идет вразрез с ней, – козни внутренних и внешних врагов России.

Но даже на их фоне явным диссонансом выглядит позиция тех исследователей, которые пытаются реабилитировать не только Сталина и его политику в 30-50-х годах прошлого столетия, но и его ближайшего сподвижника – наркома внутренних дел СССР Л.П. Берии. За последнее десятилетие огромным тиражом изданы книги известных историков и публицистов Ю. Мухина «Убийство Сталина и Берии», А. Мартиросяна «Неизвестный Берия», «Сто мифов о Берии», С. Кремлева «Берия. Лучший менеджер XX века», трехтомник «Лаврентий Берия. Личный дневник» и ряд других, в которых руководитель НКВД в 40-50-е годы предстает перед читателями мудрым государственным деятелем и крупным советским военачальником.

Чтобы убедить читателей в своей правоте, авторы указанных работ то и дело **обращаются к героической истории пограничных войск накануне и в годы Великой Отечественной войны, приписывая Л.П. Берии все мыслимые и немыслимые заслуги в деле их строительства и повышения боевой готовности накануне войны.** Утверждается, что при Л.П. Берии один пограничник в бою стоил 7-10 солдат Красной армии и 3-4 солдат вермахта², что практически никто из них в плен не сдавался, а за первые два дня войны пограничники уничтожили более 100 тысяч солдат и офицеров и одну танковую дивизию вермахта³. На основании этого делается вывод о том, что уже в первые недели войны пограничные войска НКВД сыграли не оперативную-тактическую, а стратегическую роль в войне с Германией и ее союзниками.

Но, как говорится, во всяком деле надо и меру знать. То, что Л.П. Берия был неглупым человеком и хорошим организатором, никто не отрицает. Но при этом не стоит забывать, что на его совести кровь сотен тысяч замученных и расстрелянных невинных людей. Очень убедительно все преступные деяния Л.П. Берии против собственной страны показаны в сборнике документов «Политбюро и дело Берии», вышедшем в издательстве «Кучково поле» в 2012 году, в котором на основе архивных документов очень подробно освещаются подготовка и проведение процесса над ним и его окружением. Перед читателями в показаниях известных в стране людей, а также его ближайших соратников предстает человек без чести и совести, готовый ради своей карьеры и политических амбиций идти на любые преступления. И после этого «лепить» из него образ русского государственника, спасителя страны в годы войны и крупного реформатора в послевоенное время – верх цинизма. Нередко для достижения этих целей некоторые историки прибегают к грубой фальсификации, а свои собственные догадки и версии подают как неопровержимые исторические факты.

Вот один из таких примеров. Как уже ранее отмечалось, в 2011–2012 годах увидел свет трехтомник «Лаврентий Берия. Личный дневник». Концептуально и структурно первые два тома дневника, которые охватывают период 1937–1945 гг., выдержаны в духе официальной советской историографии об основных событиях предвоенной поры и в годы Великой Отечественной войны. Немало лестных слов в «дневнике Берии» и в комментариях С. Кремлева – публикатора дневника – сказано в адрес пограничных войск НКВД СССР. Делается это, как правило, для того, чтобы подтвердить гениальность и особые заслуги перед народами СССР руководителя Наркомата внутренних дел. Читать этот труд интересно, но у меня лично сложилось впечатление, что это хорошо состряпанная фальшивка – и не более того.

Свои сомнения в подлинности так называемых дневников Берии продемонстрирую на некоторых конкретных записях, **относящихся к деятельности только пограничных войск в годы Великой Отечественной войны.** Начну с короткой записи от 20 июня 1941 года. *«В своих пограничниках я уверен. Так Кобе и сказал. Если начнется, боюсь достанется*

² Берия Л.П. Второй войны я не выдержу... Тайный дневник 1941-1945. – М., 2011. – С. 78.

³ Мартиросян А.Б. Сто мифов о Берии. От славы к проклятиям. 1941-1953. – М., 2010. – С. 55.

нам крепко...»⁴. Судя по этой записи, за сутки до начала фашистской агрессии против СССР Л.П. Берия был твердо уверен в том, что война неизбежна и начнется она в самое ближайшее время. Так ли это было на самом деле? Попробуем разобраться. Если эти слова в дневнике принадлежат Л.П. Берии, то возникают вопросы: почему же он не приказал привести пограничные и внутренние войска на западной границе в состояние полной боевой готовности? Почему на сообщения перебежчика, немецкого солдата А. Лискова о том, что войска фашистской Германии в 4 утра 22 июня 1941 года нападут на СССР, он никак не отреагировал? Ответ может быть один: Берия, так же, как и Сталин, был глубоко убежден в том, что Гитлер не решится в ближайшее время развязать агрессию против СССР. В подтверждение своих слов приведу всего лишь два примера.

21 июня 1941 года, выступая на совещании с офицерами 86-го (Августовского) пограничного отряда Белорусского пограничного округа, начальник Главного управления пограничных войск НКВД СССР генерал-лейтенант Г.Г. Соколов заявил следующее: «*Вы обстановку на границе сами очень усложняете, никакой войны не предвидится, вы просто проявляете трусость и шлете донесения от которых несет паникой, мы их направляем в ЦК партии, в Генштаб и Правительство. От ЦК партии, Правительства и Генерального штаба получаем замечания по вашим донесениям, поэтому мы приехали к вам и поедем на границу и проверим какая обстановка на самом деле ночью и днем на заставах*»⁵. Надеюсь, каждому понятно, что генерал-лейтенант Г.Г. Соколов озвучил не свою личную точку зрения по этому вопросу, а мнение руководства НКВД СССР и лично Л.П. Берии.

А вот небольшой отрывок из воспоминаний личного секретаря Л.П. Берии А.А. Гварисвили. Он свидетельствует, что «*осенью сорокового число донесений о подготовке Германии к войне продолжало расти и я старался их обобщить так, чтобы выводы оставались тревожными, требовавшими принятия мер. Однажды нарком потребовал все последние донесения, бегло просмотрел их, сделал на некоторых короткие пометки «деза» (дезинформация. – А.С.) и, отдавая мне, сказал мне: «Много вранья. Стараются запугать». Я, воспользовавшись моментом, решил проверить себя: мне казалось, что Германия действительно готовится к войне. «Не могут же все, товарищ нарком, сообщать неправду». Лаврентий Павлович посмотрел на меня так, что у меня похолодела спина. «И ты веришь всему этому? Они отработывают свой хлеб. И не только хлеб, а кое-что еще. Англия и Франция специально спланировали и активно проводят операцию по дезинформации, хотят запутать нас. К операции подключен даже премьер-министр Англии Черчилль».*

После моего не совсем удачного зондажа нарком несколько дней не приглашал меня на доклад особо секретных документов – присылал работника по особым поручениям, тот молча брал красную папку и так же молча возвращал ее обратно. Я перепугался: недоверие наркома для меня могло окончиться в лучшем случае лагерем...

Нарком при мне звонил начальнику Политуправления РККА А.И. Запорожцу и настоятельно требовал усилить борьбу с разрастающимися слухами о якобы готовящемся нападении немцев на СССР.

– Немедленно информируйте все политорганы Красной армии, штабы, разошлите своих политработников в войска с одной-единственной установкой: никакой войны с Германией не будет! Надо каленым железом выжигать все провокационные слухи. Распространителей слухов передавайте НКВД, а там с ними разберутся!

Теперь я видел, что нарком не остановится ни перед чем, если узнает, что кто-то верит в готовящееся нападение Германии; его лицо багровело, взгляд становился еще грознее, как только он начинал говорить о слухах и провокациях. Он приказал немедленно арестовать

⁴ Берия Л.П. Сталин слезам не верит. Личный дневник 1937–1941. – М., 2011. – С. 267.

⁵ <http://www.statehistory.ru/834/Deystviya-pogranichnikov-21-22-iyunya-1941-goda>.

одного очень опытного оперативного работника только за то, что тот позволил себе поразмышлять: «Первая мировая война была развязана Германией. Если разразится Вторая мировая, то ее начнет именно Германия»...

Я уже не знал, что делать с разбухшей папкой донесений о войне, а они все прибывали и прибывали: от послов, секретарей, агентов, резидентов. Вечером не без боязни перешагнул кабинет наркома.

– Опять вранье принес! – Он зло раскрыл папку, бегло просмотрел информацию, взял авторучку и написал: «В последнее время многие работники поддаются на наглые провокации и сеют панику. Секретных сотрудников «Ястреб», «Кармен», «Алмаз», «Верного» за систематическую дезинформацию стереть в лагерную пыль как пособников международных провокаторов, желающих поссорить нас с Германией. Остальных строго предупредить. Л. Берия. 21 июня 1941 года».⁶

Надеюсь, что два вышеприведенных примера снимают всякие сомнения в том, что нарком внутренних дел Л.П. Берия до утра 22 июня 1941 года не верил в то, что Гитлер нападет на СССР. Кстати, свидетельства подобного плана можно встретить также в воспоминаниях о войне бывшего командующего Черноморским флотом вице-адмирала Ф.С. Октябрьского и одного из руководителей Украинского пограничного округа накануне войны генерал-лейтенанта Н.А. Антипенко.

Вторая запись в так называемых дневниках относится к 9 июля 1941 года. После очередной встречи со Сталиным Берия якобы записал в своем дневнике: «Коба говорит, твои Пограничники нас спасают. Все бы так воевали. Так, что давай Лаврентий, формируй дивизии НКВД из пограничников. Нужны как воздух, больше чем воздух-». Далее С. Кремлев в развитие этой темы утверждает, что **дивизии НКВД** формировались прежде всего за счет лучшего кадрового состава Грузинского, Армянского, Азербайджанского, Казахского, Среднеазиатского, Туркменского и Забайкальского пограничных округов, а также уже обстрелянных воинов-пограничников, вышедших из окружения, из личного состава частей Ленинградского, Прибалтийского, Белорусского, Украинского и Молдавского пограничных округов. Итого – более 15 тыс. человек на 15 дивизий. «В июле – августе 1941 года, – пишет С. Кремлев, – **пограничные дивизии НКВД** стали хребтом нашего отпора вермахту»⁷. Любому человеку, прослужившему в пограничных войсках хотя бы срочную службу, очень лестно слышать подобные оценки боевой деятельности пограничников в годы войны. Беда лишь в том, что многое из вышесказанного не соответствует действительности. Учитывая, что этот вопрос очень подробно мною будет рассмотрен в одной из глав данной книги, ограничусь лишь короткими общими замечаниями.

Во-первых, к моменту, когда рукой Л.П. Берии якобы делалась ранее приведенная запись, он уже точно знал, что **ему предстоит сформировать не 15 дивизий НКВД, а точно такое же число стрелковых дивизий для передачи их в состав Красной армии. А это, как известно, не одно и то же.**

Во-вторых, указанное количество стрелковых дивизий формировалось не только за счет пограничников перечисленных выше округов, но и за счет других войск НКВД СССР. А, как известно, наряду с пограничными войсками к ним также относились оперативные и конвойные войска, войска по охране железнодорожных сооружений и особо важных промышленных предприятий. Главному управлению пограничных войск было поручено сформировать всего лишь шесть стрелковых дивизий, выделив на эти цели не 15 тыс., а 9 тыс. военнослужащих⁸. Для формирования остальных дивизий поступило более 13 тыс. военнослужащих из других

⁶ Сульянов А.К. Берия. Арестовать в Кремле. – М., 2004. – С. 191–198.

⁷ Берия Л.П. Сталин слезам не верит. Личный дневник 1937–1941. – М., 2011. – С. 279.

⁸ РГВА. Ф. 38261. Оп. 1. Д. 255, л. 252–253.

войск НКВД. Все эти нюансы, связанные с формированием 15 дивизий, Л.П. Берия знал в совершенстве, поэтому в своем дневнике вряд ли бы допустил подобные неточности.

Третья запись, которая вызвала у меня сомнение по поводу подлинности дневника Л.П. Берии, относится к 16 июля 1941 года. Звучит она так: «*Создается Резервный фронт. Командовать будет Георгий (Г.К. Жуков. – Прим. автора), если дойдет до боя. А дойдет. Шесть армий, из них четыре берут мои орлы (Генералы-пограничники Масленников, Хоменко, Ракутин, Далматов. – Прим. автора)*»⁹. Насчет четырех генералов-пограничников, возглавивших в тот период 24-ю, 29-ю, 30-ю и 31-ю армии, сказано верно. А вот в остальном запись в дневнике не соответствует действительности – и вот почему. **Резервный фронт** (в составе пяти, а не шести армий), который возглавил генерал армии Г.К. Жуков, был создан лишь 30 июля 1941 года. Из этого следует, что на момент, когда Л.П. Берия якобы делал вышеприведенную запись в своем дневнике, в Ставке ВГК об этом еще даже не думали. По всей видимости, в данном конкретном случае речь идет о создании **Фронта резервных армий**. Но его возглавил не Г.К. Жуков, а бывший начальник Белорусского пограничного округа генерал-лейтенант И.А. Богданов. Не зная об этом Л.П. Берия, конечно же, не мог. Тем не менее в своем дневнике он даже словом не обмолвился о столь показательном факте особого доверия Сталина к генералу его ведомства. На тщеславного Л.П. Берия это явно не похоже.

Но вот запись в указанном дневнике за 9 ноября 1943 года больше, чем другие, убедила меня в том, что все эти «дневники» – липа. Цитирую: «*Сообщили сегодня погиб Хоменко. На переднем крае, при обстреле, осколком сразу насмерть. Это у чекистов уже третья большая потеря. Саджая, Ракутин, а теперь Василий. Год в год с Алексеем. Теряем кадры. Вечная ему слава. Я бы Хоменко дал героя, но кто напишет представление? Жалко. А так не дадут*»¹⁰.

Наверное, тот, кто писал эти псевдодневники, не знал о двух очень существенных моментах, которые Л.П. Берия знал в деталях и упустить их в своих дневниковых записях никак не мог. Во-первых, если говорить о погибших генералах НКВД на тот момент, то их было не три, а как минимум четыре. К трем ранее названным следует добавить еще генерал-лейтенанта И.А. Богданова. В начале войны, как уже отмечалось ранее, он занимал должность начальника пограничных войск НКВД БССР, затем командующего Фронтом резервных армий, командующего 39-й армией Калининского фронта, а впоследствии – заместителя командующего этой армии. Он погиб 22 июля 1942 года при выходе из окружения северо-западнее г. Вязьмы. И, во-вторых, это обстоятельство якобы гибели самого генерал-лейтенанта В.А. Хоменко, командующего 44-й армией 4-го Украинского фронта. В директиве ГКО за подписью Сталина от 7 ноября 1943 года по этому поводу сказано следующее: «*6 ноября командующий 44-й армией генерал-лейтенант Хоменко и командующий артиллерией генерал-майор Бобков при выезде в штабы корпусов потеряли ориентировку, попали в район расположения противника, при столкновении с которыми в машине, управляемой лично Хоменко, заглох мотор, и эти лица были захвачены в плен со всеми находящимися при них документами*»¹¹. После этого происшествия Сталин распорядился расформировать управление 44-й армии и передать ее соединения и части в состав других объединений фронта.

Об этом факте упоминается в мемуарах маршала СССР С.С. Бирюзова «Когда гремели пушки». Другими словами, об этом позорнейшем случае знали сотни и даже тысячи людей, а нам предлагают поверить в то, что руководитель НКВД по истечении двух суток после произошедшего ЧП об этом ничего не знает и со спокойной совестью пишет в своем дневнике, что генерал Хоменко достоин звания Героя Советского Союза. Полный абсурд.

⁹ Берия Л.П. Сталин слезам не верит. Личный дневник 1937–1941. – М., 2011. – С. 283.

¹⁰ Берия Л.П. Второй войны я не выдержу... Тайный дневник 1941–1945. – М., 2011. – С. 138.

¹¹ ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 143, Л. 277–278.

К этому следует добавить, что в «дневниках Берии» ничего не сказано о задержании на участке 90-го (Владимир-Волынского) погранотряда Украинского округа немецкого перебежчика ефрейтора А. Лискова, который первым сообщил о том, что в 4.00 22 июня 1941 года начнется война. Ни слова не сказано о том, что 25 июня руководством страны было принято решение о создании института начальников войск по охране тыла действующей армии и о передаче в подчинение командующих фронтами всех войск НКВД СССР, находящихся в прифронтной полосе. А ведь именно вечером этого дня Л.П. Берия вместе с начальником Главного управления пограничных войск НКВД СССР генерал-лейтенантом Г.Г. Соколовым около часа провел в кабинете Сталина, где решался этот вопрос. Не нашли никакого отражения в «дневниках Берии» и другие весьма заметные события в деятельности пограничных войск и других войск НКВД СССР в годы войны.

Следует также отметить, что сторонники подобных взглядов на роль Л.П. Берии в истории страны настойчиво проводят линию на охаивание Красной армии и ее генералитета в той войне и чрезмерную, порой надуманную героизацию органов и войск НКВД. Тон дискуссии представителей этой группы историков отличается грубостью и агрессивностью по отношению к оппонентам, безапелляционностью суждений, что вряд ли способствует поиску правдивых ответов на сложные вопросы той эпохи.

Эти и другие факты невольно наводят на мысль о том, что отдельные группы исследователей Великой Отечественной войны пытаются использовать авторитет пограничных войск того времени в своих узкокорыстных политических интересах. Таким способом они пытаются реабилитировать в общественном сознании не только Сталина, но и его верного соратника Берия.

II

Если говорить о вкладе историков пограничной службы ФСБ России в исследование темы Великой Отечественной войны и участия пограничников в боевых действиях с немецко-фашистскими захватчиками, то нужно признать, что за последние 25 лет сделано в общем-то немало.

Внимание ученых и любителей истории пограничной службы ФСБ России привлекли такие работы, как: Г.П. Сечкин «Граница и война. Пограничные войска в Великой Отечественной войне советского народа 1941–1945» (М., 1993); «Пограничные войска СССР в годы Второй мировой войны 1939–1945» (М., 1995); «На страже границ Отечества. История пограничной службы: краткий очерк» (М., 1998); «На страже границ Отечества. Пограничные войска России в войнах и вооруженных конфликтах XX века» (М., 2000); двухтомник «Пограничная служба России. Энциклопедия» (М., 2008–2009); «Испытанные войной: пограничные войска. 1939–1945 гг.» (М., 2008); В.В. Терещенко «На охране рубежей Отечества» (М., 2008); В.М. Селезнев «Актуальные проблемы пограничной истории России и СССР XX века» (М., 2008); И.И. Петров «1941. Пограничники в бою. Они не сдавались в плен» (М., 2008). Богатством первоисточников и большим количеством воспоминаний участников боев на границе отличается книга Ю. Кисловского «Победа зарождалась в боях на границе» (М., 2005). С интересом читаются книга В. Боярского и А. Цветкова «Хронотон генерала Масленникова. Забытый полководец» (М., 2010) и ряд других.

Необходимо отметить, что в этих работах заметно стремление авторов более глубоко и, главное, критически осмыслить некоторые факты и события Великой Отечественной войны, целесообразность тех или иных решений руководства страны, Наркомата обороны и Генерального штаба Красной армии, деятельность руководства НКВД и пограничных войск в то непростое время, а также роль пограничников в тех или иных сражениях.

Особенно это касается работы доктора военных наук, профессора Г.П. Сечкина «Граница и война. Пограничные войска в Великой Отечественной войне советского народа 1941–1945 гг.», а также научного труда коллектива авторов под руководством доктора исторических наук В.И. Боярского «Пограничные войска СССР в годы Второй мировой войны 1939–1945». Если в первой работе автор во многом повторил содержание своей прежней работы под названием «Советские пограничные войска в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и возможные их действия в современных операциях», изданной в 1976 году для узкого круга читателей, так как имела гриф «Секретно», то вторую работу можно с полным основанием рассматривать как новаторский подход к освещению основных событий предвоенного периода, а также участия пограничных войск в сражениях Великой Отечественной войны. В ней впервые было сказано о том, что сталинские оценки объективных и субъективных факторов катастрофического для Красной армии начала войны и ее успехов на завершающем этапе до сих пор не переосмыслены и бездумно повторяются в исторических работах и учебных пособиях. Что продолжают выходить книги ведомственных ученых, где история пограничных войск практически полностью совпадает с ее советской версией, где есть установки, подкрепленные не анализом объективной реальности, а лишь подходящими цитатами из мемуаров советских и немецких полководцев.

Справедливой критике подвергались те исторические работы, в которых допускалось много преувеличений, где сплошь и рядом заставы и небольшие подразделения успешно отражали многократные атаки хорошо вооруженного врага, нанося ему в ряде случаев десятикратные потери по сравнению со своими. Не был обойден вниманием и тот факт, что погранвойска западных округов – за редким исключением – не были приведены в состояние полной боевой готовности, не были эвакуированы семьи офицеров, что привело в первый же день войны к неоправданным потерям личного состава, а жен и детей пограничников – к отправке в фашистские концлагеря. Также в этой работе впервые было сказано о том, что боевые действия пограничных войск на западном участке границы не оказали заметного влияния на темп наступательных действий фашистских войск в первый день войны, так как основная их масса легко обтекала очаги обороны застав и комендатур и уходила вперед, не задерживаясь.

Но, может быть, самым главным достоинством этой исторической работы является вывод о том, что с передачей личного состава или даже целых частей в состав действующей армии, ВМС, ВВС, охраны тыла (с приобретением ими самостоятельного статуса в апреле 1942 года) рассмотрение их деятельности применительно к истории погранвойск должно прекращаться. Другими словами, впервые было сказано, что пограничные войска как отдельный вид войск НКВД СССР с конца апреля 1942 года в боевых действиях на фронтах Великой Отечественной войны участия уже не принимали¹². К сожалению, причины, побудившие Сталина передать функции охраны тыла ДКА сперва внутренним, а затем специально созданным для этих целей войскам НКВД, авторы указанной работы обошли молчанием.

Отмечая несомненные заслуги вышеназванных авторов в новом прочтении истории участия пограничных войск в Великой Отечественной войне, тем не менее следует сказать, что перечисленные ранее работы по структуре, содержанию и политическим оценкам многих событий того времени очень похожи на те, которые были изданы в 70–80-е годы прошлого столетия. А те в свою очередь ненамного отличаются от публикаций на эту тему в журнале «Пограничник» за 1944–1946 годы. Первой появилась статья контр-адмирала С. Воробьева «Моряки-пограничники в обороне Сталинграда»¹³. После завершения войны были опубликованы серия исторических очерков В. Шевченко «Войска НКВД СССР в Великой Отечественной войне

¹² Пограничные войска СССР в годы Второй мировой войны. 1939–1945. – М., 1995. – С. 11–12.

¹³ Пограничник, 1944, № 2.

1941–1945 гг.»¹⁴, а в 1946 г. – его же статья «Четверть века на охране государственной границы»¹⁵, в которой вопросам участия пограничников в Великой Отечественной войне было уделено значительное внимание.

Следует отметить, что все эти публикации вплоть до конца 60-х годов оставались, по сути, наиболее полным исследованием проблем истории пограничных войск военного времени. В силу этих и ряда других причин ранее перечисленные мною работы современных пограничных историков в своей совокупности сохранили такие недостатки послевоенного прошлого, как фактологические ошибки; чрезмерная героизация подвигов пограничников; гипертрофия чувства их любви и преданности партии большевиков; принижающий значение нашей Победы подход к изображению противника как глупого и слабого, которого можно было одним только стрелковым оружием уничтожить сотнями и тысячами, при этом не неся своих потерь. Но если в советский период для исследователей практически полностью были закрыты все архивы, что, естественно, затрудняло их работу над книгами, монографиями и диссертациями, то после 1991 ситуация в стране в корне изменилась. К сожалению, она никак не отразилась на содержании большинства исторических работ об участии пограничников в сражениях Великой Отечественной войны.

Чтобы быть предельно объективным в своих оценках, предлагаю читателям более подробно остановиться на тех ошибках, которые, на мой взгляд, значительно снижают ценность исследований ученых Пограничной службы ФСБ России вопросов участия пограничников в сражениях Великой Отечественной войны.

Прежде всего следует отметить, что структура практически всех исторических работ за последние несколько

десятилетий не претерпела каких-либо принципиальных изменений. Как правило, все они состоят из таких глав, как: пограничные войска накануне Великой Отечественной войны; в первых приграничных боях; в составе Действующей армии; действия пограничников в тылу врага; охрана государственной границы в годы войны; участие пограничников в войне с Японией. В некоторых из этих глав рассмотрен ряд других, более мелких вопросов. К примеру, такие, как участие пограничников в советско-финляндской войне, в оборонительных боях 1941–1942 гг., в охране тыла Действующей Красной армии и ряд других.

Все перечисленные вопросы, на мой взгляд, вполне обоснованно исследуются в работах пограничных историков. А вот присутствие в них в виде отдельных подразделов тем, связанных с участием пограничников в партизанском движении, с организацией подготовки командно-начальствующих кадров и медицинского обеспечения в годы войны, а также освещение вопросов боевых действий морских и авиационных частей пограничных войск в сражениях Великой Отечественной войны, на мой взгляд, явно «притянуты за уши». К примеру, какое отношение к боевой деятельности пограничных войск в годы войны имеет проблема подготовки командных и политических кадров? Как известно, в предвоенный период этими вопросами поочередно занимались Управление оперативных войск, а в годы войны – Главное управление внутренних войск. ГУПВ НКВД с февраля 1941 года к этим вопросам не имело никакого отношения.

Или взять такой вопрос, как участие в войне морских и авиационных частей западных пограничных округов. Ведь практически все они с началом боевых действий на советско-германском фронте перешли в оперативное подчинение командования Военно-воздушных сил РККА и Военно-Морского флота, а затем вошли в их состав. Из этого следует, что и героические, и трагические страницы их боевой истории остались в летописи соединений и частей Красной армии и Военно-Морского флота, а не пограничных войск НКВД СССР. Это, конечно, не относится к авиационным и морским частям пограничных войск, принимавших участие в

¹⁴ Пограничник, 1945, № 11–23.

¹⁵ Пограничник, 1946, № 1–2.

войне с Японией, а также к 1-му истребительному полку пограничных войск, созданному в сентябре 1941 года в составе отдельной авиационной бригады ПВ НКВД СССР.

То же самое можно сказать и об участии пограничников в партизанском движении. Нет никакого сомнения в том, что некоторое их число сражалось в рядах народных мстителей в тылу врага. За совершенные подвиги в боях с оккупантами несколько бывших пограничников были удостоены звания Героя Советского Союза, сотни других были награждены орденами и медалями. Но какое они имеют отношение к истории пограничных войск? Как известно, все партизаны в своей практической деятельности руководствовались приказами и директивами Центрального штаба партизанского движения, а не ГУПВ НКВД СССР. К государственным наградам их также представлял ЦШПД. Все бывшие пограничники, погибшие в боях за Родину в составе партизанских отрядов, по окончании войны не были включены в общую статистику потерь пограничных войск.

Это в полной мере относится и к такому вопросу, как участие пограничников в снайперском движении. Некоторые авторы утверждают, что инициаторами этого движения на фронте еще в 1941 году стали пограничники, охранявшие тыл Ленинградского фронта, а число истребленных ими немецких офицеров и солдат исчисляется десятками тысяч человек. Однако в одном из документов на имя наркома внутренних дел СССР Л.П. Берии говорится о том, что **лишь с мая 1942 года по инициативе войск НКВД охраны тыла Ленинградского фронта** во всех войсках НКВД широко развернулось массовое снайперское движение¹⁶. А, как известно, к этому времени все пограничные части, находящиеся в составе Действующей армии, подчинялись Главному управлению внутренних войск. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что родоначальником снайперского движения на фронте в годы Великой Отечественной войны стали внутренние, а не пограничные войска.

Нельзя также не отметить, что вся деятельность руководства НКВД СССР по укреплению пограничных войск накануне войны, а также их непосредственное участие в боевых действиях с немецко-фашистскими захватчиками во всех исторических работах, как и ранее, подается только в положительном плане.

Абсолютное большинство современных исследователей того периода утверждают, что еще 18–20 июня 1941 года пограничные части западных пограничных округов были приведены в состояние полной боевой готовности, а с началом войны – переданы в оперативное подчинение командования Красной армии. В некоторых исторических работах проводится мысль о том, что первые боестолкновения пограничных нарядов с мелкими группами регулярных войск Германии и ее союзников начались еще за 3–4 часа до начала фашистской агрессии. Подобных примеров в прочитанных книгах я насчитал несколько десятков. По версии современных исследователей, все пограничные заставы западных округов после мощного артиллерийского обстрела были атакованы ударными группами пехоты противника численностью до пехотного батальона при поддержке танков и авиации. И тем не менее, несмотря на такое подавляющее численное превосходство противника, пограничники, якобы без поддержки частей Красной армии, стойко обороняли свои позиции от нескольких часов до нескольких суток. После этого, как правило, следует утверждение, что в неравных боях с врагом почти весь личный состав пограничных застав погиб, а в плену оказывались единицы, и то в бессознательном состоянии. Затем идут описания конкретных примеров мужества и героизма военнослужащих и подразделений западных пограничных округов.

Однако, судя по некоторым документам, а также мемуарам как советских, так и немецких военачальников, в действительности все обстояло несколько по-другому. К примеру, до сих пор документально так и не подтвержден факт заблаговременного перевода пограничников в

¹⁶ РГВА. Ф. 38652. Оп. 1. Д. 29. Л. 109.

полную боевую готовность. Наоборот, есть свидетельства участников первых боев на границе, как с немецкой, так и с нашей стороны, которые свидетельствуют об обратном.

К примеру, бывший начальник штаба 4-й немецкой армии генерал Г. Блюментритт утверждает, что за несколько часов до начала войны на советском берегу Буга *«между Брестом и Ломжей все было тихо. Пограничная охрана русских вела себя как обычно»*¹⁷.

С этой оценкой солидарен и бывший начальник штаба 4-й армии Западного фронта генерал-полковник Л.М. Сандалов. В своих воспоминаниях он также отмечает, что *«никаких мер по приведению войск в боевую готовность вечером 21 июня на брестском направлении не проводилось... Брестский пограничный отряд нес обычную службу»*¹⁸.

Бывший начальник 86-го Августовского пограничного отряда пограничных войск НКВД БССР полковник в отставке Г.К. Здорный также заявил, что *«до самого часа вторжения немецких войск мы, пограничники, несли службу в обычном порядке»*¹⁹.

Наконец, известный историк пограничных войск доктор военных наук профессор Г.П. Сечкин неоднократно в своих работах подчеркивал, что за несколько дней и даже несколько часов до вторжения немецких войск *«никто не осмелился дать распоряжение о приведении застав и комендатур в полную боевую готовность и заблаговременном занятии личным составом оборонительных сооружений»*²⁰.

К этому следует добавить, что за 1–2 суток до начала войны в некоторых пограничных отрядах был даже отменен усиленный вариант охраны государственной границы. А вот в оперативное подчинение командования Красной армии ряд пограничных округов на западной границе перешли не 22 июня, а еще 12 июня 1941 года²¹.

Если говорить о боестолкновениях пограничников с подразделениями регулярных немецких войск за несколько часов до начала войны, то следует сказать, что документально подтвержден всего лишь один такой инцидент на участке 11-й заставы 86-го (Августовского) погранотряда Белорусского пограничного округа²².

Ни в коей мере не отрицая многочисленных примеров мужества и героизма пограничников в первые дни войны, тем не менее следует отметить, что на ряде участков западной границы вражеские войска вообще не заметили какого-либо сопротивления с их стороны. Именно поэтому начальник генерального штаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдер в своем дневнике утром 22 июня 1941 года, обобщив поступившие с Восточного фронта доклады командующих групп войск, дал следующую оценку боевым действиям немецких войск при переходе советско-германской границы: *«Пограничные мосты через Буг и другие реки всюду захвачены нашими войсками без боя и в полной сохранности. Наши патрули, не встретив сопротивления, переправились через Прут между Галацем и Хоши и между Хоши и Яссами. Мосты в наших руках. Охрана самой границы была в общем слабой. Наши наступающие дивизии всюду, где производилось наступление, продвинулись с боем в среднем на 10–12 км»*²³.

Судя по этим словам, на ряде участков границы пограничники в момент начала войны вообще как бы отсутствовали, а на других – они просто не были готовы к отражению внезапного нападения врага.

¹⁷ Роковые решения. Перевод с английского. – М., 1958. – С. 82.

¹⁸ Сандалов Л.М... 1941. На московском направлении. – М., 2010. – С. 413, 424.

¹⁹ Военно-исторический архив, 2002, № 6.

²⁰ Сечкин Г.П. Граница и война: пограничные войска в Великой Отечественной войне советского народа 1941–1945. – М., 1993. – С. 455–456.

²¹ Панарин И.Н. Первая мировая информационная война. Развал СССР. – СПб., 2010, – С. 98; Панарин И.Н. Развал СССР осуществили не США, а Великобритания // Русский вестник, 2010, № 18 (сентябрь); Берия Л.П. Сталин слезам не верит. Личный дневник 1937–1941. – М., 2011. – С. 266.

²² ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12454. Д. 134. Л. 143–144.

²³ Гальдер Ф. Военный дневник: 1941. – Смоленск, 2006. – С. 254–255.

Теперь более подробно поговорим о тех фактологических ошибках, которые, на мой взгляд, серьезно искажают общую картину участия пограничных войск НКВД СССР в Великой Отечественной войне. Прежде всего следует отметить, что до сих пор нет ясности в отношении общей численности группировки пограничных войск на западной границе к началу войны. К примеру, в книге «Испытанные войной. Пограничные войска. 1939–1945 гг.» приводятся такие цифры: общая численность всех пограничных войск на 21.06.1941 составляла 167 525 чел., а на западной границе – 87 459. Но чуть ранее, на стр. 67, говорится о том, что перед началом войны на западе «решением НКВД и ГУПВ было сосредоточено 60 процентов общей численности пограничных войск». Проведя не очень сложные арифметические расчеты, мы получим совсем другую численность пограничных войск на западной границе – около 100 тыс. человек. Кстати, именно такая численность группировки пограничных войск указана и в первом томе нового 12-томного издания по истории Великой Отечественной войны. К этому следует добавить, что в работах известных историков Р. Иринархова и Д. Гланца говорится о том, что численность группировки пограничных войск на западной границе к началу войны составляла около 127 тыс. человек²⁴.

Чтобы как-то обосновать подобные нестыковки с численностью личного состава, в общую группировку войск в западных пограничных округах историки включили 11 полков оперативных войск НКВД СССР. Но ведь хорошо известно, что с февраля 1941 г. оперативные части из состава пограничных войск были выведены, а для руководства их деятельностью было создано Управление оперативных войск. Поэтому включать их в состав западных пограничных округов будет в корне неверно. При этом никто не хочет замечать того очевидного факта, что еще в середине мая 1941 года Главное управление пограничных войск НКВД СССР практически во всех пограничных округах приступило к формированию 11 полков (резервных пограничных, стрелковых и кавалерийских), а также 6 отдельных стрелковых батальонов и одного отдельного кавалерийского эскадрона общей численностью более 25 тыс. человек²⁵.

О том, что в этом вопросе много нелепостей, свидетельствуют и разные точки зрения на численность некоторых пограничных округов накануне 22 июня 1941 г. К примеру, в большинстве исторических трудов численность пограничных войск НКВД Молдавской ССР оценивается в 9 910 человек²⁶. Однако в книге другого известного историка приводится цифра почти в три раза больше – 27 тыс. человек²⁷.

Историки Пограничной службы так запутали вопрос относительно общей группировки пограничных войск на западной границе СССР накануне войны с Германией, что даже в серьезных научных трудах авторы, ссылающиеся на их работы, допускают непростительные ошибки. К примеру, в одном из томов фундаментального научного издания «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне» по этому поводу говорится, что 22 июня 1941 года *«передовым отрядам ударных группировок гитлеровского вермахта противостояли оснащенные легким стрелковым оружием 53 пограничных отряда и 9 отдельных пограничных комендатур»*. В данном случае ссылка сделана на «Книгу памяти пограничников, погибших и без вести пропавших в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 1» (М.: Граница, 1995. – С. 10).

По неизвестным причинам в число 53-х пограничных отрядов попали и сухопутные пограничные отряды, оснащенные легким стрелковым оружием, и отряды пограничных судов, как известно, имеющие в своем составе корабли с артиллерийским вооружением. Это во-пер-

²⁴ Иринархов Р. Красная армия в 1941 году. – М., 2009. – С. 247; Гланц Д. Советское военное чудо 1941–1943. Возрождение Красной армии. – М., 2008. – С. 241.

²⁵ Пограничная служба России. Энциклопедия. Формирование границ. Нормативная база. Структура. Символы. – М., 2009. – С. 240; РГВА. Ф. 38650. Оп. 1. Д. 605. Л. 128.

²⁶ Испытанные войной. Пограничные войска (1939–1945). – М., 2008. – С. 583.

²⁷ Кисловский Ю. Победа зарождалась в боях на границе. – М., 2005. – С. 208.

вых. Во-вторых, на самом деле в первый день войны только 19 пограничных отрядов из 49, расположенных на Западном театре военных действий, вступили в смертельную схватку с врагом. Еще 22 сухопутных пограничных отряда начали принимать участие в боевых действиях с 26–29 июня 1941 года, а остальные еще позже. Таким образом, в первый день войны 53 пограничных отряда никак не могли отражать нападения передовых отрядов ударных группировок гитлеровского вермахта. В этом вопросе даже неспециалисту нетрудно разобраться, однако на протяжении многих десятилетий эта ошибочная формулировка кочует по страницам исторических изданий.

Немало досадных ошибок авторы исторических исследований допускают при освещении деятельности пограничных войск НКВД СССР по охране тыла Действующей армии.

К примеру, существует мнение, что назначение начальников войск охраны тылов всех фронтов произошло 25 июня 1941 года на основании постановления Совета народных комиссаров СССР. Другие с этим не согласны и в свою очередь заявляют, что заместитель наркома внутренних дел генерал-лейтенант И.И. Масленников лично своим приказом от 26 июня 1941 года произвел все эти назначения. При этом и те и другие придерживаются той точки зрения, что для выполнения задач по охране тыла Действующей армии в этот период было выделено 48 пограничных отрядов, 10 отдельных комендатур, 4 резервных пограничных полка, 2 отдельных резервных пограничных батальона и еще 23 части обеспечения²⁸. Другими словами – практически все войска, входившие накануне войны в состав восьми западных пограничных округов. Также утверждается, что руководство войсками по охране тыла действующей армии в первые месяцы войны осуществляло Главное управление пограничных войск.

На самом же деле все обстояло совсем иначе. 25 июня 1941 года Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило постановление СНК СССР об организации института фронтовых и армейских начальников охраны войскового тыла. Этим же постановлением только начальник пограничных войск НКВД генерал-лейтенант Г.Г. Соколов был назначен начальником охраны войскового тыла Западного фронта²⁹. Во исполнение вышеназванного постановления нарком внутренних дел СССР Л.П. Берия 26 июня 1941 года внес на рассмотрение Ставки Главного Командования предложения по персональному составу начальников охраны тыла остальных фронтов, а 28 июня – по составу группировок войск НКВД, передаваемых в их оперативное подчинение. Всего для охраны войскового тыла пяти фронтов наряду с другими частями и соединениями войск НКВД было выделено 36 пограничных отрядов, 4 резервных пограничных полка и 2 резервных пограничных батальона общей численностью 58,2 тыс. военнослужащих. **При этом в документе, направленном в Ставку, особо подчеркивалось, что «все начальники охраны войсковых тылов с приданными им войсками передаются в подчинение командующих фронтами»**³⁰. Приказом Ставки ГК № 0098 от 29 июня 1941 года предложения Л.П. Берии были утверждены. Именно поэтому заместитель наркома внутренних дел генерал-лейтенант И.И. Масленников на оперативной сводке ГУПВ НКВД СССР № 44 наложил резолюцию следующего содержания: *«Тов. Яценко. Сводки по западу не выпускать. После оперативного подчинения войск командования фронтами ГУПВ заниматься охраной границы, руководить войсками только на территории, где нет боевых действий. 28.06. Масленникову»*³¹.

²⁸ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 2. В 2-х кн. Кн. 1. – М., 2000. – С. 74; Испытанные войной. Пограничные войска (1939–1945). – М., 2008. – С. 254; Селезнев В.М. Актуальные проблемы пограничной истории России и СССР XX века. – М. 2008. – С. 199.

²⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1316. Л. 178–180.

³⁰ РГВА. Ф. 38652. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 376–379.

³¹ ЦПА ФСБ РФ. Ф. 14. Оп. 5. Д. 2505. Л. 32–33. Приводится по кн. Кисловский Ю.Г. Победа зарождалась в боях на границе. – М., 2005. – С. 52.

Таким образом, с этого момента ГУПВ НКВД СССР пограничными частями, переданными в состав войск по охране тыла действующей армии, уже практически не руководило.

Подтверждением этому может служить также тот факт, что по состоянию на 1 июля 1941 года штатная численность пограничных войск НКВД СССР по сравнению с предвоенным периодом уменьшилась более чем в 2,5 раза и составила всего лишь 70 957 человек³². В это число вошел личный состав только тех пограничных округов, которые охраняли границу на юге страны, в Средней Азии, Казахстане, Забайкалье и на Дальнем Востоке.

Немало ошибок и неточностей в работах ведомственных историков, на мой взгляд, допущено при освещении участия пограничников в тех или иных сражениях Великой Отечественной войны.

На протяжении уже многих десятилетий в их трудах утверждается, что в обороне Одессы активное участие принимал личный состав 2-го (Каларашского), 25-го (Кагульского), 79-го (Измайльского), 26-го (Одесского) и маневренная группа 23-го (Липканского) пограничных отрядов, а также сформированный на базе 26-го погранотряда 26-й сводный пограничный полк³³. Но имеющиеся на сегодняшний день архивные документы позволяют сделать вывод о том, что в составе советских войск, оборонявших Одессу, находились лишь 26-й (Одесский) погранотряд неполного состава и около 150 военнослужащих 79-го (Измайльского) пограничного отряда. Остальные же части в этот период сражались с врагом несколько севернее, в районе городов Умань, Николаев, Кривой Рог и Кировоград³⁴.

Не соответствуют действительности и утверждения историков о создании в этот период на базе 26-го (Одесского) пограничного отряда 26-го пограничного полка НКВД СССР. Такой полк в составе действующей армии появился лишь в марте 1942 года на Таманском полуострове. А в обороне Одессы принимал участие 26-й стрелковый полк НКВД. Как удалось установить, в состав указанного полка наряду с военнослужащими Одесского пограничного отряда вошел личный состав 27-го полка НКВД по охране железнодорожных сооружений, 249-го отдельного конвойного батальона НКВД, Одесского пересыльного пункта, а также около 100 человек из состава 5-й погранкомендатуры 79-го (Измайльского) погранотряда. Несколько позже 26 стрелковый полк НКВД был переименован в 1331-й стрелковый полк, вошедший в состав 421-й СД Красной армии. Именно поэтому следует признать ошибочной точку зрения ряда историков о том, что за образцовое выполнение заданий командования, мужество и героизм, проявленные при обороне Одессы, 26-й сводный пограничный полк был награжден орденом Красного Знамени. Представление о награждении было оформлено на 26-й (Одесский) пограничный отряд, однако пока оно ходило по инстанциям, на его базе в марте 1942 года был сформирован 26-й пограничный полк, который приступил к охране тыла Крымского фронта на Таманском полуострове. Поэтому боевая награда и была вручена этому пограничному полку³⁵.

Изучая другие страницы служебно-боевой деятельности Одесского погранотряда, можно с удивлением узнать, что до самого оставления советскими войсками Одессы он продолжал охранять государственную границу от устья Дуная до г. Скадовска³⁶. При этом авторы никак не объясняют, каким образом пограничники могли охранять границу на территории, занятой противником. Ведь Одесса уже к середине августа 1941 года была полностью блокирована с суши, и ее снабжение осуществлялось исключительно по морю.

Немало ошибок и неточностей допущено и при освещении действий пограничных войск при обороне Севастополя. К примеру, читая некоторые исторические работы, может сложиться

³² РГВА. Ф. 40926. Оп. 1. Ед. хр. 541. Л. 88.

³³ Сечкин Г.П. Граница и война: Пограничные войска в Великой Отечественной войне советского народа 1941–1945. – М., 1993. – С. 207; Испытанные войной. Пограничные войска (1939–1945). – М., 2008. – С. 234.

³⁴ РГВА. Ф. 38652. Оп. 1. Д. 1. Л. 12–14.

³⁵ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 683524. Д. 15. Л. 24–26.

³⁶ Испытанные войной. Пограничные войска (1939–1945). – М., 2008. – С. 235.

мнение, что 4-я Крымская стрелковая дивизия пограничных войск НКВД, созданная в начале войны, участвовала в боях на севере полуострова в районе Турецкого вала. Но там ее никогда не было. С момента ее создания она прикрывала Крымский полуостров со стороны моря от возможных морских десантов противника. И лишь после того, как фашистские войска развернули наступление на юг полуострова, дивизия получила приказ с рубежа северных склонов Крымских гор (вдоль шоссе Симферополь – Феодосия) прикрыть отход Приморской армии на Алушту и далее на Севастополь. После четырех дней тяжелых боев дивизия, понеся большие потери в личном составе, к середине ноября практически прекратила свое существование.

Также не соответствует действительности утверждение о том, что 4-я Крымская пограничная дивизия в октябре 1941 года была преобразована в 184-ю стрелковую дивизию пограничных войск НКВД³⁷. Такой дивизии в составе войск, обороняющих г. Севастополь, не было. А была 184-я стрелковая дивизия Красной армии 2-го формирования. В ее состав вошли не только пограничники, но и остатки других частей войск НКВД, а также мобилизованные жители Крыма. Нельзя также согласиться и с утверждением о том, что после выхода из окружения остатков этой дивизии (около 1 тыс. человек) на ее базе был сформирован 456-й отдельный сводный пограничный полк под командованием подполковника Г.А. Рубцова³⁸. Такого полка в районе Севастополя также не было, а был 456-й стрелковый полк в составе 109-й СД Красной армии, которым командовал вышеназванный офицер-пограничник. В подтверждение своих слов предлагаю читателям ознакомиться с очень интересным архивным документом. Ниже приводится его ксерокопия.

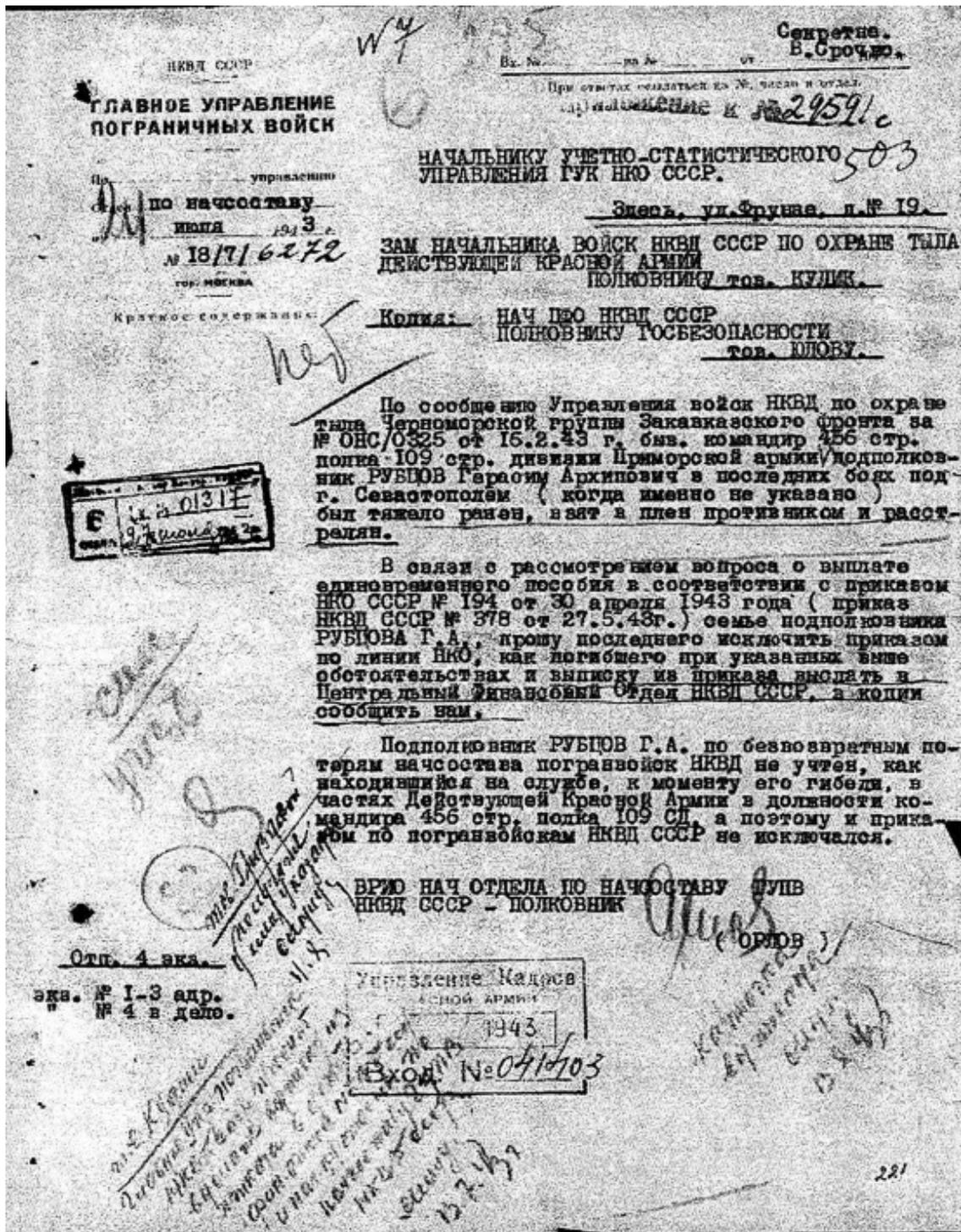
Благодаря этому документу можно достаточно точно определить, к какому силовому ведомству относился полк, которым командовал подполковник Г.А. Рубцов, а также как погиб этот отважный офицер. К слову сказать, подполковника Г.А. Рубцова нет в «Книге Памяти пограничников, погибших и без вести пропавших в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.».

Ошибочным также является утверждение некоторых исследователей о том, что в обороне Севастополя принимал участие 27-й морской пограничный отряд³⁹. Эта часть была расформирована еще в сентябре 1939 года, а на ее базе был создан 2-й Черноморский отряд пограничных судов с местом дислокации в п. Балаклава. Вот на долю моряков этой части и выпала нелегкая задача по защите Севастополя. В составе подразделений морской пехоты они почти все полегли на подступах к городу-герою или оказались в плену.

³⁷ Испытанные войной. Пограничные войска (1939–1945). – М., 2008. – С. 240.

³⁸ Испытанные войной. Пограничные войска (1939–1945). – М., 2008. – С. 241.

³⁹ Терещенко В.В. На охране рубежей Отечества. – М., 2008. – С. 245–246.

Когда речь заходит об участии пограничников в обороне Севастополя, не следует забывать и о том, что в середине ноября 1941 года Управление Черноморского пограничного округа, передав остатки своих войск командованию Приморской армии, было эвакуировано в г. Новороссийск Краснодарского края. Туда же были вывезены основные архивы и боевые знамена большинства пограничных частей, в том числе 26-го (Одесского) пограничного отряда. Именно поэтому вести речь в исторических исследованиях об участии пограничников в обороне Севастополя после 15 ноября 1941 года вряд ли будет уместно.

Несколько досадных ошибок допущено при освещении боевых действий пограничников при обороне Киева и Москвы. В первом случае среди участников обороны столицы Украины

почему-то не оказалось 95-го и 97-го пограничных отрядов, а вместо 42-го резервного пограничного полка указан 43-й резервный погранполк⁴⁰. Среди пограничных частей, участвовавших в обороне Москвы, ошибочно указан 132-й пограничный полк. Полк с таким номером появился в составе действующей армии только в апреле 1943 года⁴¹.

В одной из последних фундаментальных исторических работ пограничных ученых утверждается, что под Москвой пограничники сражались также в составе 24-й армии и 75-й особой морской стрелковой бригады, якобы входившей в состав 316-й стрелковой дивизии под командованием генерал-майора И.В. Панфилова⁴². В каком количестве и где сражались пограничники, к сожалению, не уточняется. На самом деле все это не что иное, как очередные выдумки некоторых исследователей.

Кроме командующего 24-й армией 1-го формирования генерал-майора К.И. Ракутина да, может быть, еще нескольких офицеров, в вышеперечисленных соединениях никто больше не имел никакого отношения к пограничным войскам.

Уже стало хрестоматийным утверждение историков о том, что в первые три месяца войны пограничные части Прибалтийского, Белорусского, Украинского и Молдавского пограничных округов оказались обескровленными, в силу чего приказом НКВД от 25.09.1941 было расформировано 58 частей, в том числе 13 погранотрядов (2, 12, 20, 22, 86, 88, 93, 94, 95, 97, 105, 106 и 107), 2 погранполка (42-й и 43-й) и 4 отдельных погранкомендатуры. К сожалению, и в этом вопросе допущен ряд ошибок. К примеру, 2-й пограничный отряд не был расформирован, а был преобразован во 2-й пограничный полк, который успешно провоевал до конца войны. В этот период были расформированы всего лишь 45 пограничных частей, в том числе десять пограничных отрядов (12, 20, 22, 86, 88, 93, 94, 105, 106 и 107) и Коломыйская отдельная погранкомендатура. И только в октябре – декабре 1941 года были также расформированы 95-й и 97-й погранотряды, 43-й пограничный полк, 2-я, 3-я, 4-я и 5-я отдельные погранкомендатуры и еще несколько более мелких частей. К семнадцати погранполкам, образованным на базе пограничных отрядов, следует также добавить еще два полка, созданных на базе 37-го и 38-го резервных пограничных полков, а также 95-й пограничный полк особого назначения. О них историки почему-то забыли упомянуть⁴³.

Читая работы некоторых историков, можно узнать, что для охраны тыла Южного фронта привлекались сначала бригада, а затем дивизия милиции, созданная из личного состава рабоче-крестьянской милиции Львовской, Николаевской, Одесской, Кировоградской и ряда других областей Украины. Наряду с этим вне исторических исследований ученых оказалась боевая деятельность такого крупного пограничного соединения в составе того же Южного фронта, как противодесантная бригада пограничных войск.

Судя по архивным документам, в это соединение были включены 43-й резервный пограничный полк, полк милиции и пять особых пограничных батальонов. Просуществовала эта бригада чуть более двух месяцев, тем не менее за мужество и героизм в боях заслужила высокую оценку командования Южного фронта⁴⁴.

Надеюсь, что приведенных примеров достаточно для того, чтобы усомниться в достоверности многих сведений, приведенных в работах историков, по поводу тех или иных соединений и частей пограничных войск, участвовавших в боевых действиях на различных фронтах Великой Отечественной войны.

⁴⁰ Директива Генерального штаба Вооруженных Сил СССР № 6795с от 04.11.1961. – с. 76–81.

⁴¹ Приказ Министра внутренних дел СССР № 0205 от 31.05.1956. – С. 38.

⁴² Пограничная служба России. Энциклопедия. Формирование границ. Нормативная база. Структура. Символы. – М., 2009. – С. 526.

⁴³ Приказ Министра внутренних дел СССР № 0205 от 31.05.1956. – С. 26–37.

⁴⁴ РГВА. Ф. 38658. Оп. 1. Д. 3.; Ф. 38658. Оп. 1. Д. 1. Л. 29–30 и др.

Следует также отметить, что в работах пограничных историков немало лестных слов сказано о высшем командном и политическом составе пограничных округов, а также о руководителях войск НКВД СССР того периода. При этом недвусмысленно проводится мысль о более высоком их профессиональном и морально-психологическом уровне подготовки по сравнению с командирами и политработниками Красной армии.

Не ставя под сомнение в целом этот вывод, тем не менее нужно отметить, что некоторые перемещения генералов-пограничников в первые месяцы войны наводят несколько на другие размышления. Говоря о том, что в состав образованного Фронта резервных армий вошли 6 общевойсковых армий, четыре из которых (24, 29, 30, 31) командовали генералы-пограничники, нигде не упоминается о том, что двое из них – В.А. Хоменко и В.И. Далматов – за неудачное руководство подчиненными войсками от занимаемых должностей вскоре были освобождены. Более того, генерал-майор В.И. Далматов в середине октября 1941 года был предан суду Военного трибунала за якобы «крупные упущения в управлении войсками при обороне Ржева». Но в ходе судебных разбирательств он был оправдан. Тем не менее, выше должности командира стрелковой дивизии он уже в годы войны не поднимался.

Еще трагичнее сложилась судьба бывшего начальника погранвойск НКВД Украинской ССР генерала В.А. Хоменко, который по своей глупости угодил в плен к немцам.

Назначенный в начале июля 1941 года командующим Фронтом резервных армий генерал-пограничник И.А. Богданов пробыл на этом посту всего три с половиной недели, а по истечении еще нескольких месяцев был понижен в должности до заместителя командующего 39-й армией. Как известно, он погиб в июле 1942 г. при выходе из окружения северо-западнее Вязьмы.

Немало возникает вопросов и при более внимательном изучении должностных перемещений первых лиц войск НКВД СССР и Главного управления пограничных войск генерал-лейтенантов И.И. Масленникова и Г.Г. Соколова в первые дни войны.

Как известно, начальник пограничных войск генерал-лейтенант Г.Г. Соколов встретил войну на западной границе на участке погранвойск НКВД Белорусской ССР. Абсолютное число историков, основываясь на воспоминаниях бывшего начальника 86-го (Августовского) пограничного отряда генерал-майора в отставке Г.К. Здорного, утверждают, что война застала руководителя пограничных войск на стыке 86-го и 87-го пограничных отрядов.

По возвращении Г.Г. Соколова в Москву он 25 июня 1941 года был вызван в кабинет И.В. Сталина, где пробыл 45 минут. О чем шел там разговор, мы вряд ли когда-нибудь узнаем. Но бесспорно то, что именно в этот день он был назначен на скромную должность начальника войск НКВД СССР по охране тыла Западного фронта. На такие же должности через несколько дней были назначены и его вчерашние подчиненные – начальники западных погранокругов. Подобное назначение больше напоминает отставку с ранее занимаемой должности, чем просто очередное перемещение по службе.

Как бы там ни было, но именно с этого момента начинается закат карьеры генерал-лейтенанта Г.Г. Соколова. Начав войну в должности начальника ГУПВ НКВД СССР, он ее закончил в скромной должности начальника управления военно-учебных заведений войск НКВД. За это время он сменил 8 различных должностей, нигде не задерживаясь больше 1,5 месяцев. А начальником штаба Центрального фронта он вообще пробыл всего лишь 12 дней. Почти год находился в распоряжении Ставки Верховного Главнокомандующего и Главного управления кадров НКО СССР. Думается, что подобное можно объяснить лишь низкими профессиональными качествами генерал-лейтенанта Г.Г. Соколова.

Что-то подобное в начале войны произошло и с заместителем наркома внутренних дел СССР по войскам генерал-лейтенантом И.И. Масленниковым. По истечении нескольких недель после начала войны он неожиданно назначается сначала командиром оперативной группы, а затем наравне со своими бывшими подчиненными – начальниками погранич-

ных округов генералами В.И. Далматовым, К.И. Ракутиным, В.А. Хоменко – на должность командующего армией. Его непосредственным начальником, командующим Фронтом резервных армий, стал также его бывший подчиненный – генерал-лейтенант И.А. Богданов, до сей поры занимавший должность всего лишь начальника пограничных войск НКВД Белорусской ССР. На этом фоне должность командующего армией для заместителя наркома внутренних дел СССР может быть расценена не иначе как явное понижение.

За какие провалы в деятельности подчиненных ему войск НКВД СССР в первые дни войны это стало возможным, можно только догадываться. И это несмотря на то, что генерал-лейтенант И.И. Масленников пользовался огромной поддержкой со стороны всеильного наркома внутренних дел СССР Л.П. Берии.

Объяснять вышеприведенное можно по-разному, но факт остается фактом – не все генералы пограничных войск НКВД СССР выдержали испытание высокими должностями в рядах Красной армии. К слову сказать, стрелковыми дивизиями и корпусами бывшие офицеры-пограничники командовали значительно лучше, о чем свидетельствует тот факт, что более 15 из них за годы войны были удостоены высокого звания Героя Советского Союза.

К этому следует добавить, что, вполне обоснованно отмечая в своих исторических исследованиях более высокий уровень политико-морального состояния офицеров-пограничников в сражениях первого периода Великой Отечественной войны по сравнению с командирами Красной армии, историки, на мой взгляд, нередко теряют чувство меры в этом вопросе. Если судить по их работам, то невольно складывается мнение о том, что в плен командиры и политработники пограничных войск никогда не сдавались, что среди них не было трусов и предателей своей Родины. К большому сожалению это не так. Как свидетельствуют архивные документы, только в штабе Русской освободительной армии (РОА) генерала Власова в годы войны проходили службу несколько офицеров пограничных войск НКВД СССР. Среди них майор-пограничник А.Ф. Чикалов, занимавший в штабе власовской армии должность начальника отделения контрразведки в отделе безопасности, сотрудники этого отдела: капитан Лапин (псевдоним «Славин»), до войны проходивший службу в разведотделе одного из отрядов Тихоокеанского пограничного округа, а также старший лейтенант А.К. Каргин – бывший начальник одной из застав 2-го (Каларашского) пограничного отряда Молдавского округа⁴⁵.

Судя по числу осужденных пограничников к высшей мере наказания в 1944–1946 гг., число тех, кто смалодушничал и пошел на сотрудничество с немецкими оккупантами в годы войны, исчисляется несколькими сотнями человек. Среди них оказался и один «воспитанник» пограничных войск НКВД СССР. Речь идет о комбриге И.Г. Бессонове, который задолго до генерала А.А. Власова, добровольно сдавшись в плен, активно сотрудничал с немецкими властями⁴⁶. Правда, об этом в своих трудах историки пограничной службы не обмолвились ни разу.

И.Г. Бессонов родился в Перми 24 августа 1904 года в семье рабочих. В 1916 году, закончив четырехклассное городское училище, начал работу на лесопилке. В 1920 году добровольцем вступил в Красную армию. Проходил службу в канцелярии 133-го отдельного батальона связи, с 1922 года служил делопроизводителем в артиллерийском дивизионе 57-й стрелковой дивизии.

В 1926 году поступил в Тверскую кавалерийскую школу имени Коммунистического Интернационала, по окончании которой в 1928 году служил в кавалерийских частях. В 1930 году переведен в состав войск ОГПУ и направлен в Казахстан. Командовал взводом, а в 1931 году был назначен помощником начальника штаба 13-го Алма-Атинского полка ОГПУ. В 1934 году участвовал в боевых действиях в непризнанной Восточно-Туркестанской Исламской Рес-

⁴⁵ Генерал Власов: История предательства. В 2 т. В 3 кн. Т. 2. Кн. 1. – М., 2015. – С. 208, 228, 235, 236, 276, 294 и др.; Там же. Т. 1, с. 233.

⁴⁶ Генерал Власов: История предательства. В 2 т. В 3 кн. Т. 1. – М., 2015. – С. 1003–1004; Там же. Т. 2, Кн. 1, с. 815–816; Сысоев Н.Г. Тайный сыск России. От жандармов до чекистов. – М., 2005. – С. 205–209.

публике, созданной в результате национально-освободительного движения уйгуров. За участие в боях под Кульджой был награжден именованным оружием.

В марте 1936 года И.Г. Бессонов был переведен в управление пограничной и внутренней охраны Ленинградского военного округа. В 1938 году закончил Военную академию имени М.В. Фрунзе и был назначен на должность командира 3-го Ленинградского мотострелкового полка оперативных войск НКВД СССР. В том же году был награжден орденом Красного Знамени и назначен начальником 3-го отдела Управления пограничных и внутренних войск Ленинградского военного округа, а затем – помощником начальника штаба Краснознаменного Балтийского флота. В 1939 году он становится начальником отдела боевой подготовки Главного управления пограничных войск НКВД СССР. Однако в 1940 году, якобы за отказ под предлогом болезни от поездки на финский фронт, Л.П. Берией был снят с должности и назначен начальником отдела боевой подготовки второстепенного Забайкальского пограничного округа. За несколько недель до начала войны И.Г. Бессонов был откомандирован в РККА и назначен начальником штаба 102-й стрелковой дивизии 21-й армии. Войну встретил на Украине.

В конце августа 1941 года дивизия в боях понесла тяжелые потери, попала в окружение, из которого вышли лишь небольшие группы измученных солдат и офицеров. Сам Бессонов 26 августа 1941 года добровольно сдался в плен охране медсанбата в селе Раги Гомельской области. В апреле 1942 года в лагере для высшего командного состава в Хаммельсбурге (Бавария) И.Г. Бессонов при поддержке немцев создал Политический центр борьбы с большевизмом (ПЦБ). Краеугольным пунктом его политической программы было требование о том, что после разгрома СССР Германия должна была признать свободу новой России в рамках границ 1939 года.

В апреле 1942 года И.Г. Бессонов предложил немецкому командованию свои услуги по формированию из военнопленных карательного корпуса для подавления партизанского движения. По его задумке, боевые подразделения центра в первоначальном варианте должны были забрасываться в места активной деятельности партизан и создавать там лжепартизанские отряды.

Суть второго плана И.Г. Бессонова состояла в том, чтобы из числа пленных сформировать воздушно-десантную бригаду (6 тыс. человек), состоящую из мобильных штурмовых отрядов, и забросить их в район сплошного расположения исправительно-трудовых лагерей НКВД от Северной Двины до среднего течения Оби. Планом предусматривались ликвидация охраны лагерей, освобождение заключенных и спецпоселенцев, их вооружения и поднятие антисталинского восстания в глубоком советском тылу.

Нужно особо отметить, что И.Г. Бессонов отказался сотрудничать с генералом А.А. Власовым, заявляя, что стоит «выше Власова как в политическом, так и в военном отношении».

Но, как утверждают некоторые историки, именно политические требования Бессонова не устроили немцев. К тому же, им стало известно о службе Бессонова накануне войны в войсках НКВД. Именно поэтому в июне 1943 года он был арестован и отправлен в концлагерь. В середине апреля 1945 года он был эвакуирован из Заксенхаузена и в течение полумесяца прошел через лагеря Дахау, Флоссенбург, Инсбрук и, наконец, вывезен в Южный Тироль, где был передан американским войскам. 15 мая 1945 года по его личной просьбе он был передан советским властям и впоследствии арестован. После почти пятилетнего следствия Военной коллегией Верховного Суда СССР 18 апреля 1950 года он был приговорен к высшей мере наказания – расстрелу. Приговор приведен в исполнение в тот же день.

Все вышеприведенные примеры, на мой взгляд, убедительно свидетельствуют о том, что в тот период антисоветские настроения были присущи значительной части личного состава не только армии и флота, но и пограничных войск НКВД СССР.

Но самая главная ошибка современной пограничной историографии о войне, на мой взгляд, заключается в том, что она по-прежнему основывается на сталинском мифе о том, что

СССР в предвоенные годы проводил сугубо мирную внешнюю политику, о его неизменной приверженности идее коллективной безопасности, о международной изоляции СССР в преддверии мировой войны, вынудившей его якобы пойти на пакт о ненападении с нацистской Германией и т. п. Однако сегодня все большее число историков аргументированно доказывают, что Советский Союз в международных делах вел свою игру и сам был не против нанести упреждающий удар по фашистской Германии и ее союзникам.

Кстати, наличие подобных планов признано и во втором томе нового 12-томного издания «Великая Отечественная война 1941–1945 годов».

А если Красная армия и Военно-Морской флот готовились к нанесению упреждающего удара по немецким войскам, то, значит, и пограничным войскам НКВД СССР предстояло действовать в русле «освободительных походов» в Польшу, Бессарабию и Северную Буковину, а также в ходе советско-финляндской войны.

К слову сказать, прямых и косвенных фактов, подтверждающих наличие подобных планов и у руководства НКВД СССР, удалось найти немало, о чем более подробно будет сказано в одной из очередных глав книги.

Все работы пограничных историков пронизывает, на мой взгляд, также ошибочная версия о том, что пограничные войска НКВД СССР принимали активное участие в боевых действиях с немецко-фашистскими захватчиками от первого до последнего дня войны. Но подобная трактовка событий, мягко говоря, далека от истины.

Само название «пограничные полки», «пограничные комендатуры» и «пограничные батальоны» без учета того, кому они были непосредственно подчинены по службе, на том или ином этапе войны не может свидетельствовать об их принадлежности к пограничным войскам. Думается, нет надобности доказывать тот очевидный факт, что к пограничным войскам следует относить лишь те части, которые в тот период выполняли задачи по охране государственной границы или хотя бы были подчинены Главному управлению пограничных войск НКВД СССР. Если исходить из этих позиций, то можно утверждать, что лишь в период с 22 июня 1941 года и по конец апреля 1942 года части пограничных войск участвовали в боевых действиях на фронтах Великой Отечественной войны в составе войск по охране тыла Действующей армии.

Затем эта функция была возложена на внутренние войска, а еще через год – на специальные войска НКВД по охране тыла Действующей Красной армии. Именно в составе этих войск оставшаяся незначительная часть пограничников участвовала в боевых действиях с фашистскими захватчиками до самого конца войны. Но к Главному управлению пограничных войск НКВД они уже не имели никакого отношения. Более подробно этот вопрос будет рассмотрен в одной из глав этой книги.

Все вышесказанное, надеюсь, убедительно свидетельствуют о том, что общая историческая концепция участия пограничных войск в Великой Отечественной войне на сегодняшний день страдает серьезными изъянами, неточностями и досадными ошибками.

III

Главная причина появления этих и ряда других ошибок в современных исторических исследованиях об участии пограничных войск в Великой Отечественной войне, на мой взгляд, состоит в том, что источниковая база абсолютного большинства из них очень бедна и однообразна, а в ряде случаев сильно искажена. Встречаются даже примеры явной фальсификации в документах сути произошедших событий в те далекие годы. В ранее названных мною исторических работах практически полностью отсутствуют такие виды документов, как предвоенные приказы, директивы и указания НКВД СССР и Главного управления пограничных войск, приказы начальников пограничных округов и отрядов, схемы мобилизационного развертывания пограничных войск и округов на случай войны с Германией и ее союзниками, карты райо-

нов боевых действий пограничных частей, различные аналитические справки и многое другое. Исследователи почему-то стараются вообще не замечать существование трофейных немецких документов, переведенных на русский язык и уже давно введенных в научный оборот.

К этому следует добавить, что за все послевоенные годы ни один из тогдашних руководителей пограничных войск Советского Союза, а также оставшихся в живых начальников пограничных округов и их заместителей не оставил для потомков своих воспоминаний об участии пограничников в сражениях Великой Отечественной войны. Это на сегодняшний день, наверное, единственный подобный пример в системе всех Вооруженных Сил и СССР, и России.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.